УДК 811.16’36

РЕЗУЛЬТАТ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКИХ И ЯПОНСКИХ СЛАВИСТОВ

ГРАММАТИКА В ОБЩЕСТВЕ, ОБЩЕСТВО В ГРАММАТИКЕ. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОРМАТИВНОЙ ГРАММАТИКЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ. ред. М. Номати, С. Киёсава.

Москва: Издательский Дом ЯСК, 2021, 304 с. (Studia Philologica).

В основе рецензируемого сборника – доклады российских и японских славистов, прочитанные на Междисциплинарном семинаре «Грамматика в обществе, общество в грамматике» (МГУ, октябрь 2018). В книге – 3 раздела. Первый из них – «Грамматикография восточнославянских языков и вопрос литературного языка» – объединяет статьи, посвященные становлению грамматической нормы русского, украинского и белорусского языков. Статья О.А. Остапчук посвящена формированию нормы украинского литературного языка в начале XX века и вкладу в этот процесс О. Курило и О. Синявского. С. Киёсава в статье «Переосмысление роли «Белорусской грамматики для школ» Б. Тарашкевича в процессе становления белорусского литературного языка» описывает общественную ситуацию в Беларуси в 1915-1918 и место Грамматики Б. Тарашкевича в национально-образовательном процессе. Работа Д. Адати называется «Язык и поэтика Гоголя в трудах В.В. Виноградова по истории русского литературно языка». Второй раздел книги – «Грамматикография западнославянских языков» – начинается с работы Н.Е. Ананьевой «Нормативные грамматики польского языка Онуфрия Копчинского». Затем следует статья К.В. Лифанова «Роль «Словацкой грамматики» А. Бернолака в формировании нормы словацкого литературного языка». Третий раздел называется «Грамматикография южнославянских языков». Он открывается работой М.Н. Беловой «Грамматика болгарского языка И. Богорова: формирование лингвистической терминологии и грамматической традиции». За нею следует статья – Д. Шипки «Сербские (нормативные) грамматики на социокультурном фоне своего времени», анализирующая 4 нормативные грамматики сербского языка, относящиеся к разным эпохам. В центре штудии О.С. Плотниковой «Валентин Водник и его словенская грамматика» – личность В. Водника – словенского поэта, писателя, педагога. Е.В. Верижникова в статье «Роль грамматики Круме Кепеского в кодификации македонского литературного языка» рассказывает о положительном опыте кодификации молодого литературного языка – македонского. Завершает книгу статья М. Номати «Неопубликованный «Очерк македонского литературного языка» Самуила Борисовича Бернштейна», содержащая анализ сохранившейся рукописи великого слависта.

Ключевые слова: славянские языки, грамматика, литературная норма, кодификация, терминология, диалектная основа

The peer-reviewed collection is based on the reports of Russian and Japanese Slavists readed at the Interdisciplinary Seminar "Grammar in Society, Society in Grammar" (Moscow State University, October 2018). The book contains 3 sections. The first of them – "Grammar of the East Slavic languages and the question of the literary language" – combines articles devoted to the formation of the grammatical norm of the Russian, Ukrainian and Belarusian languages. Article by O.A. Ostapchuk is devoted to the formation of the norm of the Ukrainian literary language at the beginning of the 20th century and the contribution of O. Kurilo and O. Sinyavsky to this process. S. Kiyosava in her article "Reconsideration of the role of «Belarusian grammar for schools» by B. Tarashkevich in the formation of the Belarusian literary language" describes the social situation in Belarus in 1915-1918 and the place of B. Tarashkevich's Grammar in the national educational process. D. Adati's work is called "The Language and Poetics of Gogol in the Works of V.V. Vinogradov on the history of the Russian literary language ". The second section of the book - "The Grammarography of West Slavic Languages" - begins with the work of N.Ye. Ananyeva "Normative grammars of the Polish language of Onufry Kopczynski". This is followed by an article by K.V. Lifanov "The role of A. Bernolak's «Slovak grammar» in the formation of the norm of the Slovak literary language". The third section is called "Grammatography of the South Slavic languages". It opens with the work of M.N. Belova "The grammar of the Bulgarian language by I. Bogorov: the formation of linguistic terminology and grammatical tradition." It is followed by an article by D. Shipka "Serbian (normative) grammars against the socio-cultural background of their time", which analyzes 4 normative grammars of the Serbian language belonging to different eras. In the center of the study of O.S. Plotnikova "Valentin Vodnik and his Slovenian grammar" is the personality of V. Vodnik - Slovenian poet, writer, teacher. E.V. Verizhnikova in her article "The Role of Krumé Kepeski's Grammar in the Codification of the Macedonian Literary Language" tells about the positive experience of the codification of the young literary language – Macedonian. The book ends with an article by M. Nomati "Unpublished «Sketch of the Macedonian Literary Language» by Samuil Borisovich Bernstein", containing an analysis of the surviving manuscript of the great Slavist.

Keywords: Slavic languages, grammar, literary norm, codification, terminology, dialectal base

В октябре 2018 года в МГУ прошел Междисциплинарный семинар «Грамматика в обществе, общество в грамматике», подводящий первые итоги сотрудничества российских славистов (кафедра славянской филологии МГУ) и специалистов из Центра славяно-евразийских исследований при Хоккайдском университете (г. Саппоро, Япония). Доклады, прочитанные на этом семинаре, составили основу рецензируемого сборника, предисловие написала акад. С.М. Толстая.

В книге – 3 раздела. Первый из них – «Грамматикография восточнославянских языков и вопрос литературного языка» – объединяет статьи, посвященные становлению грамматической нормы русского, украинского и белорусского языков.

Статья О.А. Остапчук (с. 19–60) посвящена формированию нормы украинского литературного языка в начале XX века и вкладу в этот процесс двух замечательных филологов – О. Курило и О. Синявского. При этом О. Остапчук совершенно верно разводит понятия языковой нормы и кодификации, говоря о них как о двух этапах единого процесса. Сначала происходит стихийный отбор языковых средств в культурной практике (в том числе в сфере художественного творчества) и их оценка языковым коллективом, а затем проводится кодификация в узком смысле слова – это уже прерогатива лингвистов (с. 22). Основываясь на теоретической концепции языкового планирования Э. Хаугена, автор показывает, как украинские кодификаторы по-разному трактовали иерархию известных оснований языковой нормы (речь идет о таких критериях, как эффективность, распространенность, региональная привязка, арха-

ичность и т.д.). При общих тенденциях к демократизму и вариативности нормы О. Синявский искал ее опору прежде всего в литературных образцах, О. Курило – в диалектной речи.

С. Киёсава в статье «Переосмысление роли *Белорусской грамматики для школ* Б. Тарашкевича в процессе становления белорусского литературного языка» (с. 61–97) описывает общественно-политическую и религиозную ситуацию в Беларуси в период немецкой оккупации 1915–1918 гг. Грамотность местного населения составляла в это время в среднем чуть больше 20% в западных регионах и чуть больше 10% – в восточных (с. 68). Поэтому первейшей задачей становилось развитие школьного образования и формирование нормы литературного языка. С. Киёсава подробно пересказывает дискуссию, которая велась в эти годы на страницах газеты «Гоман» – статьи А. Луцкевича, Я. Станкевича, Я. Лёсика (именно так следовало бы передавать эту фамилию, с буквой ё) и отмечает объективные трудности в соблюдении на письме фонетического принципа. Главное достоинство *Грамматики* Б. Тарашкевича, по мнению автора, заключается в том, что ученый и педагог уловил тот «идеальный образ белорусской нормативной грамматики, который уже существовал в кругах белорусской интеллигенции того времени» (с. 87). С. Киёсава указывает и конкретные причины, по которым труд Тарашкевича получил широкую поддержку в межвоенные годы и вызывает до сих пор общественный интерес.

Добавим, что, как и статья О. Остапчук, штудия С. Киёсавы – еще одно подтверждение идеологической подоплеки проблемы языковой нормы: как украинские кодификаторы О. Курило и О. Синявский, так и белорус Б. Тарашкевич были в конце 30-х годов репрессированы, а их имена долгое время находились под официальным запретом.

Статья Д. Адати «Язык и поэтика Гоголя в трудах В.В. Виноградова по истории русского литературно языка» (с. 99–124) возвращает нас к проблематике, которая уже не раз была объектом внимания русистов. Два издания монографии В.В. Виноградова *Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков* – 1934 и 1938 гг. – различаются, в частности, тем, что во втором издании добавлена глава «Язык Гоголя и его значение в истории русской литературной речи». В этой главе, как и во многих своих специальных статьях, В.В. Виноградов ставит вопрос о соотношении литературного языка и языка художественной литературы. Со временем он склоняется к тому, чтобы придавать языку писателей больший удельный вес в общем процессе формирования литературного языка. Однако язык Н.В. Гоголя – особый случай: он порождает новое научное понятие – образ автора. Трактовка этого понятия как «медиума между лингвистикой и поэтикой», может быть, помогает понять творчество Гоголя, но вряд ли решает проблему формирования литературного языка. В образ автора входит и романтическая ирония Гоголя по отношению вначале к украинскому языку, затем (в *Мертвых душах* и др.) – к русскому, но к концу жизни фантастический реалист и романтик становится публицистом и догматиком. Д. Адати показывает, как на эволюцию Гоголя как писателя накладывались колебания Виноградова в трактовке проблем литературного языка.

Второй раздел книги – «Грамматикография западнославянских языков» – начинается со статьи Н.Е. Ананьевой «Нормативные грамматики польского языка Онуфрия Копчинского» (с. 127–139). Онуфрий (Анджей) Копчинский – автор двух ранних грамматик польского языка, сыгравших свою роль в эпоху Просвещения. Перенося на польскую почву идеи европейского рационализма XVII века, Копчинский был при этом традиционалистом по духу: устанавливаемые им «правила кодификации не выводятся из языковой реальности»

(с.134). Н.Е. Ананьева подробно перечисляет архаические по сути рекомендации Копчинского (некоторые из которых сохраняются и в современной польской орфографии). Тем не менее, миссия ученого значительна: его грамматики не только способствовали сохранению польской идентичности, но и стали одним из источников польской лингвистической терминологии. Если говорить о внешней стороне статьи, то желательно было бы избегать переносов типа geografic-znej (с. 132). Географические названия Rzeszów, Gorzów следовало бы передавать по-русски как *Жешув, Гожув* (а не как «Жешов», «Гожов», с. 130). Название Komisja Edukacji Narodowej лучше бы перевести как *Комиссия национального образования*, а не «Образовательная комиссия» (с. 129).

Статья К.В. Лифанова «Роль *Словацкой грамматики* А. Бернолака в формировании нормы словацкого литературного языка» (с. 141–164) посвящена истории формирования норм литературного словацкого языка и месту в этом процессе детища священника и филолога Антона Бернолака (1762–1813). За основу своей кодификации Бернолак взял северно-среднесловацкий идиом с центром в Трнаве, однако влияние предыдущей (текстологической) традиции, заключавшейся в воспроизводстве уже существующих текстов, привело к тому, что элементы, характерные для среднесловацких говоров, стали вытесняться западнословацкими. И «бернолаковский литературный язык», просуществовавший до середины XIX в., постепенно отходил от правил, установленных его создателем. К. Лифанов делает общий вывод о том, что ранние кодификации литературных языков «не обязательно соответствуют языковой действительности, поскольку нормы докодификационных идиомов часто характеризовались меньшей строгостью и большей вариативностью, поэтому кодифицированные элементы могут содержать значительный субъективный компонент, отражающий точку зрения и языковые пристрастия автора» (с. 145).

Третий раздел называется «Грамматикография южнославянских языков». Он открывается статьей М.Н. Беловой «Грамматика болгарского языка И. Богорова: формирование лингвистической терминологии и грамматической традиции» (с. 167–191). Перед Освобождением Болгарии от турецкого ига (1878) в стране уже разворачивается просветительское движение, возникают школы с преподаванием на болгарском языке, появляются первые грамматики болгарского языка. Одна из них была написана Иваном Богоровым и напечатана в Бухаресте в 1844 году. Хотя, как показывает М. Белова, автор ориентировался на русскую грамматику А.Х. Востокова, он старался избежать в своем труде влияния церковнославянскоих грамматик. Многим русским терминам Богоров придавал болгарский вид с помощью калькирования (некоторые из них используются в науке до сих пор). М. Белова подробно описывает типы словоизменения разных частей речи по Богорову, отмечая новаторство автора. Запутанная же система глагольных времен, по-видимому, была заимствована у Неофита Рильского (это отмечал Х. Пырвев). К сожалению, статья изобилует грамматическими ошибками и стилистическими погрешностями, например: «вопрос о языке…, а также необходимой литературы» (с. 169), «начальный период формирования представлений об описании формирующегося литературного языка» (с. 171), «применительно к гласному среднего ряда, представленного…» (вместо *представленному*, с. 173), «два из ранее перечисленных термина» (с. 177), «наводя некоторый сумбур в головах читателей» (с. 188) и др. Болгарская фамилия *Вълчев* передается как *Велчев* (надо *Вылчев*, с. 167), *Русинов* в одном месте (с. 170) назван *Русеновым* и т.д.

Следующая статья – Д. Шипки «Сербские (нормативные) грамматики на социокультурном фоне своего времени» (с. 193–218) – анализирует 4 норма-

тивные грамматики сербского языка, относящиеся к разным эпохам (разрыв между первой и последней из них составляет почти 200 лет). Нормативные грамматики понимаются автором «как средства установления нормативного авторитета и обеспечения национального единства путем масштабных нарративов» (с. 194). Эти «макродействия» реализуются в конкретных правилах («микродействиях»).

Сербская грамматика Вука Караджича (1818) появляется на фоне идеологической борьбы между панславизмом (ориентирующимся на Россию) и австрославизмом. По мнению Д. Шипки, Караджич выступает как представитель романтизма и одновременно интересов нарождающейся буржуазии (с. 196). Его кодификационные устремления принимают за идеал разговорную речь и противопоставляются славяносербской традиции, восходящей к церковнославянскому языку русской редакции. Сокращается количество букв в алфавите, вводится фонетический принцип письма, обновляется грамматическая терминология.

К концу XIX века, когда Сербия стала самостоятельным государством, в стране издается целый ряд новых пособий, в том числе капитальная грамматика Новаковича (1894). В этой книге делаются некоторые уступки в сторону славяносербской традиции, допускается использование как кириллического, так и латинского алфавитов, разрабатываются научные принципы классификации.

XX век, в границах которого возникло и распалось государство Югославия, знаменуется появлением новых попыток синтеза грамматических описаний сербского языка. И прежде всего это Грамматика Стевановича (1964). «Основной характеристикой макродействий автора, – пишет Д. Шипка, – является употребление не только рационального, но и харизматического авторитета» (с. 204). Это значит – в каком-то смысле «возврат к Караджичу», ориентация на язык народа и «хороших писателей» (заметим, что примеры из сербских и хорватских художественных текстов на с. 206–207 можно было бы давать и без перевода на русский язык).

Новый период в развитии сербской нормативной грамматики (XXI век) представлен Грамматикой П. Пипера и И. Клайна (2013). Лингвистическая теория здесь соответствует современным требованиям, а большинство приводимых примеров – из живой речи. Авторы – известные сербские лингвисты – объединили свои усилия для того, чтобы дать сербам полный канон грамматической нормы (что должно «послужить сплочению народа»). Впрочем, заметим, идея национального единства двигала и авторами предыдущих грамматик (только понималось это единство по-разному).

В центре штудии О.С. Плотниковой «Валентин Водник и его словенская грамматика» (с. 219–241) – многогранная личность В. Водника – словенского поэта, писателя, педагога, филолога, редактора, лексикографа. Валентин Водник жил и творил в эпоху словенского Возрождения, когда на первый план выходили идеи национального единства, борьба с германизмами в языке, задачи народного образования. Созданная Водником школьная грамматика словенского языка (1811) невелика по объему (190 страниц), но включает в себя все необходимые школьнику сведения: графику и орфографию, большой раздел морфологии (словоизменения), словообразование… Предлагаемая в книге терминология представляет собой компромисс между стремлением к пуризму и благосклонностью к русской научной традиции (некоторые лингвистические обозначения Водник заимствует из *Российской грамматики* М.В. Ломоносова). Новаторский характер имеет у Водника описание синтаксиса (имеется в виду предложение, функции различных частей речи, роль порядка слов и т.д.). О. Плотникова отмечает, что «синтаксические особенности, рассмотренные в грамматике Водника, либо полностью со-

впадают с нормами современного словенского языка, либо лежат в их основе» (с. 236). Подробно анализируя состав и структуру книги, автор статьи не обходит молчанием и лингвистические просчеты Водника – его рекомендации, которые не нашли себе подтверждения в узусе.

Е.В. Верижникова в своей статье «Роль грамматики Круме Кепеского в кодификации македонского литературного языка» (с. 243–269) рассказывает о положительном опыте кодификации молодого литературного языка – македонского. «Норма не была навязана языку, – пишет автор, – она была подсказана языком и услышана кодификаторами» (с. 243). Как правило, этот удачный процесс связывается с именем крупнейшего македонского лингвиста Блаже Конеского и его нормативной *Грамматикой македонского языка* (1952–1954). Но, по убеждению Е. Верижниковой, при этом оказывается незаслуженно забытым имя предшественника Конеского – Круме Кепеского. Известно, что «на протяжении длительного периода исторические и социально-политические обстоятельства не позволяли македонскому этносу оформить собственный наддиалектный стандарт» (с. 245). С 1944 года македонский язык вводился в употребление в качестве официального, и это сразу поставило вопрос о его литературной норме. Довольно скоро была определена ее диалектная основа, выбран ведущий принцип орфографии – фонетический и предписаны некоторые правила выбора морфологических вариантов. В 1946 году вышла маленькая, но так необходимая *Грамматика учителя* Круме Кепеского. Это была первая попытка сколь-нибудь полной кодификации македонского языка. Е. Верижникова подробно анализирует структуру и достоинства этой небольшой книжки (вышедшей затем расширенными изданиями). Особенно спорными оказались вопросы о наличии в македонском именного склонения и о системе форм глагольных времен и наклонений. Однако даже неточности и ошибки автора послужили развитию грамматической науки и были учтены в следующих грамматических трудах.

Завершает книгу статья М. Номати «*Неопубликованный Очерк македонского литературного языка* Самуила Борисовича Бернштейна» (с. 271–303). С.Б. Бернштейн – крупнейший российский ученый, известный своими трудами в области сравнительно-исторической грамматики славянских языков, диалектологии, лексикографии, истории славяноведения. М. Номати удалось обнаружить в архивах Москвы и Скопье рукописные и машинописные материалы, которые показывают изменявшееся отношение ученого к формированию нового литературного славянского языка – македонского. Известно, что данный процесс был сильно обусловлен сложными политическими отношениями между европейскими странами в середине XX века и позицией руководства СССР. С.Б. Бернштейн оставил об этом воспоминания и дневники, которые были в сильно урезанном виде опубликованы в его книге *Зигзаги памяти* (2002). Самому ученому не удалось, в силу объективных причин, повлиять на формирование норм македонского литературного языка, но сохранившиеся рукописи свидетельствуют о глубоком и заинтересованном понимании им кодификаторских проблем. Речь идет прежде всего о выборе диалектной основы для литературного стандарта, а также о тех дифференциальных признаках, которые должны были отличать новый литературный язык от его соседей – болгарского и сербского (употребление буквы *ј*, тройной артикль, окончание *-т* в глагольных формах 3-го лица ед. числа и т.д.). М. Номати подробно анализирует эти проблемы с высоты сегодняшнего времени. Он же, вместе с американским славистом В. Фридманом, готовит сегодня к публикации сохранившуюся рукопись С.Б. Бернштейна, в чем ему можно только пожелать успеха.

Формирование литературных славянских языков – сложный, многофакторный процесс, который во все времена был связан с идеологическими, культурными и религиозными установлениями. А представленный в книге материал демонстрирует прямую связь политических решений и оценок с деятельностью кодификаторов. Современная социолингвистическая ситуация в славянских странах выглядит более «вегетарианской» по сравнению в прошлыми веками, но и уроки прошлого забывать нельзя.

Книга вышла в престижной серии «Studia Philologica» и рассчитана на широкую филологическую аудиторию; оформление ее заслуживает похвалы. Отметим объективность и чрезвычайную скрупулезность в передаче иноязычных цитат: практически все они приводятся не только в переводе, но и в оригинальном виде.

С сожалением вынуждены констатировать недостаточно квалифицированную для такого издания редакторскую работу. Досадная опечатка допущена в таблице на с. 71: вместо 63% указано 630%! Вместо *Франц Миклошич* на с. 231 читаем «Фран Миклошич». Имя американского лингвиста Горация Грей Ланта (Horace Gray Lunt) передается то как *Хорас Лант* (с. 244), то как *Горас Лант* (с. 276). На с. 213 встречается «машинная рукопись» вместо *машинописная*. Небезупречна верстка книги: встречаются случаи, когда ссылки на иллюстрации даются на одной странице, а сама иллюстрация – на следующей (с. 129/130, 137/138).

Но в целом рецензируемое издание оставляет хорошее впечатление. Структура книги продумана и отличается тематической цельностью. Не может не радовать профессиональная и языковая подготовка японских славистов (равно как и их заинтересованность в столь далеком от японской жизни материале). Остается пожелать им продолжения научного сотрудничества с российскими языковедами.

Борис Юстинович Норман
Белорусский государственный университет
филологический факультет
Кафедра теоретического и славянского языкознания
boris.norman@gmail.com